

тов духовной и общественной жизни. Вот как, например, автор высоко оценивает некоторые нравственные устои крымских татар: «Народ татарский не знает наговоров, клеветы, недоверия, ненависти, высокомерия или зависти, враждебности, он не склонен кого-либо предавать бесчестью, настраивать одних против других, ибо это у них весьма не в почете. Слыша, что должен прийти сплетник, люди эти убегают от него» (1, с. 221).

Вместе с тем Эвлия Челеби воссоздает объективный облик жизни крымских татар и описывает некоторые их обычаи, которые с нашей точки зрения, точки зрения современного человека, кажутся нецивилизованными: «...если скончается какое-нибудь живое создание, и отойдет от него душа, и кровь истечет, они съедают его незамедлительно, а смешав его кровь с пшеном, пьют кровь всякого зверя как похлебку» (1, с. 219).

Судя по описаниям Челеби, крымские татары могли быть как крайне неприспособлены и воздержанны, так при случае не отказывать себе ни в чем: «Татарин съедает пищи столько, чтобы хватило этого на три или четыре дня, выпивает бочку бузы, а потом может не есть хотя бы три дня или четыре» (1, с. 220).

Крымские татары, по словам Челеби, ограничивали себя в потреблении воды и вот чем они это объясняли: «Когда Господь нас сотворил, замесил он из праха и воды грязь и из нее нас вылепил, если же в грязь опять воды добавить, тогда непременно она через один бок будет вытекать из грязи или один бок разорвется» (1, с. 221).

А вот как описывается одно из увлечений крымских татар: «Все татары табаком охотно опьяняются. Дыму из него не выпускают, а только вдыхают его до упоения, потом же становятся как пьяные, приговаривая при этом: «Эсирик олганмыз» (букв. «Мы напильсь») (1, с. 368).

Завершая цитирование первоисточника, хотелось бы отметить, что некоторые сведения, представленные Э. Челеби, кажутся попросту курьезными. Так, например, автор сообщает о том, что на Чатырдаге «со времен потопа обитает червь, называемый аб-и зулял» (1, с. 300), а степь Хейхат «обжили демоны пустынные, дикие кони и верблюды, а также тысячи иных созданий» (1, с. 215).

В заключение хотелось бы сказать о том, насколько достоверна «Книга путешествия» Эвлии Челеби. И тут нельзя не остановиться на личности самого автора. Несомненно, он, будучи мусульманином, не мог не испытывать симпатии к своим единоверцам и был несколько тенденциозен в своих описаниях. Так, например, не выдерживают критики его сведения о том, что в Бахчисарае находится 4,5 тысячи дворцов (1, с. 275). Несмотря на это, нельзя не отметить одно: вся книга Эвлии Челеби пронизана искренним интересом к Крыму, его природе, крымскотатарскому народу и другим народам, населяющим полуостров в то время. Несомненно, если мы хотим иметь объективное представление об истории Крыма, то «Книга путешествия» Э. Челеби, наряду с другими источниками, обязательно должна быть издана. Тем более, что в последнее время (еще не будучи напечатанной), она становится оружием в политических баталиях. Из нее выдергиваются цитаты, фактические данные трактуются в политических целях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. E w l i j a C z e l e b i S e j a h a t - n a m e s i. Ksienga podrozy Ewliji Czelebego. — (Wybor) — Warszawa: Ksiązka i wiedza, 1969.
2. Ч е л е б и Э. Книга путешествия. — Вып. 1. — М., 1961.

О. Г. САНИН

АНТИСУЛТАНСКАЯ БОРЬБА В КРЫМУ В НАЧАЛЕ XVIII в. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Константинопольский мирный договор 1700 г., означавший новые тенденции в русско-турецких отношениях, в немалой степени затронул и Крымское ханство. По условиям этого договора Турция взяла на себя обязательство сдерживать крымских татар от набегов на южные районы России и Польши. Отменялась и

ежегодная дань крымскому хану, составлявшая 90 тысяч червонцев в год (1, 693). Такой поворот не мог не изменить тональность отношений России с ее южным соседом.

Новая политика Турции по отношению к России, требовавшая соблюдения заключенных договоров, была направлена в значительной ме-

ре против своего крымского вассала, не гнушавшегося на протяжении XVI—XVII вв. решать внутренние проблемы путем грабительских набегов. Сложившийся веками военизированный характер Крымского государства довольно часто вступал в конфликт и противоречия с основными положениями трактата 1700 г. Одной из основных причин этих конфликтов было нестабильное внутреннее положение ханства, низкий уровень экономического, социального и общественного развития. Слабое развитие оседлого ремесла, которое даже в XVIII в. было в довольно жалком состоянии, преобладание экстенсивного кочевого скотоводства, обусловило очень высокую подвижность татарской массы, которая в силу сложившихся исторических условий могла жить только за счет чужих народов, за счет грабежа, а не внутреннего производства. Д. И. Эварницкий, характеризуя жизненный уклад татар и ногайцев, писал: «Для ногайцев, которые скитались по дикой и безлюдной степи и представляли из себя орду убогих и полуголодных дикарей, поставка христианских невольников для богатых и сластолюбивых турок была главнейшим источником пропитания и даже, иногда, довольства в жизни» (2, 393).

Немалую роль в консервации отсталых феодальных порядков играла и Османская империя. Как справедливо заметил В. Д. Смирнов, «пока турки в XVII в. были сильны, Крым представлял для них источник сильной кавалерии, облегчавшей любую войну опустошительными набегами на неприятелей. Султаны часто понукали ханов к постоянным сборам на войны, ретивых в этом деле честошествовали и ценили» (1, 5). При этом он проводит верную мысль, что «если бы турки не толкали их (татар) к войнам, то в Крыму скорее бы развивалось обрабатывающее начало и торговля. Но турки в Крыму видели только одну кавалерию, всякую минуту готовую идти куда угодно в набег». В результате всего этого было «уничтожено стремление к мирной, трудовой жизни, а татары были приучены жить за счет добычи от набегов» (1, 5).

Теперь, после заключения договора 1700 г., положение Крымского ханства резко меняется. Когда традиционному источнику его существования был положен конец международными порядками, татары оказались в довольно сложном положении. Турки были вынуждены соблюдать мир и удерживать татар от грабительских вторжений в соседние государства, что неоднократно вызывало недовольство в Крыму, время от времени выливавшееся в стихийные выступления, направленные против Османской империи. Немало осложняли внутреннее положение Крыма и распри Гиреев из-за ханского престола.

В конце 1700 г. взбунтовались подчиненные

Крыму ногайцы. Ограничения для набегов они восприняли крайне негативно. К тому же брат хана Девлет-Гирея калга-салтан Казы-Гирей, будучи обиженным, что его в 1699 г. не избрали ханом, бежал к ногайцам, рассчитывая с их помощью вернуть ханский престол и начать новые набеги на Россию и Украину.

Хан, узнав о побеге Казы-Гирея, послал за ним гонцов с предписанием, чтобы он вернулся добровольно в Крым или прислал от себя повинные письма. Посланные вернулись ни с чем. Казы-Гирей объявил о своем нежелании подчиниться брату. На собрании крупнейших муфти в декабре 1700 г. было принято решение послать в Порту петицию о том, что они не хотят иметь ханом Девлет-Гирея, который де мечтает «их выжить, притесняет их, несмотря на то, что они есть истинные мусульмане» (1, 678). Однако требования ногайцев были оставлены Портой без внимания. Из Стамбула был послан в Бахчисарай капычи-баша Кеблели-ага с приказом подавить выступления ногайцев. Казы-Гирею же было хитро объявлено, что Кеблели-ага якобы имеет приказ снять Девлет-Гирея (1, 678—679).

Получив приказ султана, Девлет-Гирей собрал татар и черкесов с Северного Кавказа и выступил в поход к Днепру. Тем временем, Казы-Гирей с 30 тысячами ногайцев встал лагерем возле урочища Березань, откуда собирався начать поход в Крым. Положение его было сложным — численное превосходство было на стороне Девлет-Гирея. В сложившейся ситуации Казы-Гирей решил обратиться к украинскому гетману Мазепе с просьбой поддержать мятеж. 23 февраля в Батурин — резиденцию гетмана — прибыло посольство во главе с Аскер-агой. Послы тут же предложили гетману выслать свою пехоту к Перекопу для завоевания Крыма (3. 139, об. 143). Однако им был дан отрицательный ответ. Мазепа заявил, что помочь ногайцам он не может, «понеже они, жители, поведением своим походят на ветра. Должно ли из-за них разрывать дружбу с двумя сильными бусурманскими владетелями» (Крымом и Турцией — О. С.) (4, 11—15 об.).

Неудача посольства в Батурин оставила Казы-Гирея в одиночестве. Девлет-Гирей в марте 1701 г. перешел через Днепр и начал громить погайские улусы. Свыше 4 тысяч ногайцев было уничтожено.

Потерпев поражение, калга-салтан с 200 своими сторонниками ушел на Украину, в Чигирин, откуда послал посольство к Мазепе с просьбой принять его в русское подданство и выделить специальные места для кочевий. Получив письма от послов, Мазепа тут же отослал их в Москву, прося совета, как поступить дальше (5, 9 об. — 11).

В Москве же не хотели обострять отношения с Турцией и не поддержали мятежников.

20 апреля глава Посольского приказа Ф. А. Головин отправил к Мазепе дьяка Бориса Михайлова с письмом, в котором требовал, чтобы Казы-Гирей и татарам, «которые учинились хану противны, сказать, чтоб они ушли от нашего царского величества малороссийских городов к степным рекам и таким же на воле кочующим народам... И когда они от наших городов отойдут, пусть чинят что хотят» (6, 187—187 об.). Казы-Гирей был вынужден вернуться в Крым, откуда его отправили в Стамбул, а затем на остров Хиос в Эгейском море. Мятёж был подавлен (1, 683).

Однако спокойствие на южных границах России с Крымом длилось недолго. Значительная часть Крымской верхушки, как уже говорилось выше, с недовольством восприняла заключение мирного договора 1700 г. Наиболее крупным ее представителем был хан Девлет-Гирей, объединивший после подавления мятежа 1701 г. все татарские орды Северного Причерноморья и Крыма. Если раньше, в борьбе с Казы-Гиреем, он искал опору в Стамбуле, то теперь, когда власть его окрепла, Девлет-Гирей пытается избавиться от назойливой турецкой опеки.

Замышляя выступление против турецкого султана Махмуда II и против Москвы, Девлет-Гирей рассчитывал прежде всего на то, что ему удастся привлечь на свою сторону Запорожскую Сечь. Большое недовольство на Запорожье в начале XVIII в. вызывало резкое усиление Московской администрации на Украине и появление возле Сечи русского военного гарнизона в крепости Каменный Затон. К тому же налицо была и большая личная неприязнь между запорожским кошевым атаманом Костей Гордиенко и гетманом Украины И. С. Мазепой (6, 27—35 об.).

Планы Девлет-Гирея начать войну с Россией встретили большое сочувствие в Запорожье. Поводом для начала энергичных переговоров Запорожья с Крымом послужил тот факт, что в феврале 1702 г. было арестовано запорожское посольство, прибывшее в Москву для получения ежегодного жалования казакам (7, 335, прим. к № 419).

Вскоре после получения известий об аресте послов в ставку Девлет-Гирея прибыла запорожская делегация во главе с казаком Супруном Стеблевским. Супрун долго говорил с ханом о желании запорожцев в союзе с Крымом воевать против Москвы. После этого хан долго совещался с «панством», как поступить, и, в конце концов, дал согласие на союз с запорожцами. Было решено «дождаться следующей зимы и воевать до самой Москвы». Выступать тут же, без согласия Стамбула, Девлет-Гирей не рискнул и поэтому попросил казаков подождать с войной, пока ему не будет дано разрешение султана (8, 1—2).

Такая позиция хана во многом объяснялась тем, что в своих антирусских намерениях он рассчитывал прежде всего опереться на те влиятельные круги в Стамбуле, которые выступали за жесткую политику по отношению к России. С их помощью он рассчитывал добиться согласия Махмуда II на начало войны.

Не случайно уже с марта 1702 г. Девлет-Гирей начинает энергично бомбардировать Стамбул письмами, в которых обвиняет русских в нарушениях условий мирного договора 1700 г. В сентябре 1702 г. он послал туда посольство во главе с мурзой Абдул-Латифом. Послы сказали, что «будто у них есть письма от короля шведского и от поляков и от казаков — все уговаривают их вести войну с Россией, обещаясь помогать, будто казаки с клятвой обещаются флот пожечь». Далее заявлялось о том, что Петр I якобы имеет планы начать войну с Турцией. Здесь же послы обратились к султану и визирю за разрешением совершить воинский набег на русские земли, в особенности на Азов, чтобы сжечь весь флот (9, 2—2 об.).

Однако эта миссия была неудачной. Великий визирь Гусейн-паша, с которым велись переговоры, был сторонником реалистичной политики. На ханские письма был дан твердый отказ (10, 693).

Тем не менее, эти многочисленные письма хана могли попасть на хорошо подготовленную почву сохранившихся антирусских настроений в Стамбуле. В сентябре 1702 г., сразу же после переговоров с Абдул-Латифом, был смещен великий визирь Гусейн-паша. На его место был назначен старый враг России и союзник Девлет-Гирея Далтабан-Мустафа-паша (10, 114—114 об.).

Получив такого сильного союзника при султанском дворе, Девлет-Гирей ускорил подготовку к войне с Россией. В октябре 1702 г. он посылает послов в Запорожскую Сечь во главе с Алмет-агой. На собравшейся 11 октября раде послы обещали в случае перехода запорожцев в крымское подданство выслать им в помощь 12 тыс. всадников, «а всем им, запорожцам, обещал хан давать на год по 40 левков и по несколько кучей запасов». На раде было решено послать на имя Петра I грамоту с требованием снесения Каменного Затона и выплаты ежегодного денежного жалования. В случае невыполнения этих требований, запорожцы обещали присягнуть крымскому хану (11, 1—1 об.).

Волнения запорожцев сильно беспокоили Москву. Чтобы не допустить совместного выступления, было немедленно освобождено пленное запорожское посольство, а в Сечь прибыл стольник Федор Протасьев с большим жалованием. Эти меры успокоили антирусские настроения в Сечи (2, 332). Стремление немалого числа казаков сохранить независимость оказалось прочнее, чем планы перехода под протек-

торат ханства. Во время вооруженного выступления Девлет-Гирея 1702—1703 гг. запорожцы оставались нейтральными.

Однако, помимо запорожцев, у Девлет-Гирея были сильные союзники при султанском дворе, в особенности великий визирь Далтабан-Мустафа-паша. Энергичные требования Девлет-Гирея начать войну встретили у него поддержку. Сам великий визирь рассчитывал при этом, во-первых, столкнуть Порту с Россией, а во-вторых, опереться на татарскую конницу в борьбе придворных группировок за влияние на султана. В декабре 1702 г. Далтабан отдал татарам секретный приказ идти в Буджак (Бессарабию), где готовиться к возможным военным действиям и ждать прихода турецких войск для похода на север (1, 693).

Поведение Далтабана и Девлет-Гирея вскоре стало известно при дворе. Султан Махмуд II не решался идти на нарушение условий мира с Россией и 26 декабря 1702 г. отдал приказ о смещении Девлет-Гирея с ханского престола. Новым ханом был назначен его отец Хаджи-Селим-Гирей, обязавшийся сохранять мирную политику по отношению к России (1, 695).

Смена хана послужила толчком для начала крупного бунта. Многочисленные обещания Далтабана помочь в организации набегов на Россию и Украину еще больше подхлестывали воинственные замыслы Девлет-Гирея. При этом надо учитывать то, что татарский мятеж был направлен не столько против турецкого владычества в Крыму, сколько против подписанного Турцией мирного договора 1700 г.

В начале декабря 1702 г. Девлет-Гирей отправил в Буджак своего сына калгу-султана Сейдет-Гирея с 5 тысячами татар. Сейдет-Гирей объявил, что он скоро начнет поход на Московские границы. Вокруг него начали собираться войска. На совете мурз было решено, что если на их просьбу начать войну с Россией будет дан отказ, то они позовут к себе Девлет-Гирея, перейдут Дунай и нападут на Константинополь (1, 698).

Узнав о своей отставке, Девлет-Гирей сразу же двинулся из Бахчисарая в устье Днестра, где сосредоточилось до 60 тыс. мятежников. Турецкие гарнизоны в крепостях Измаил, Килия, Очаков были осаждены. Татарские отряды двинулись к Дунаю. Прибывший к Девлет-Гирею для умиротворения турецкий чиновник Мехмед-ага был с позором прогнан обратно (1, 699—700).

В Москве были сильно обеспокоены мятежом. Русский посол в Турции Петр Толстой непрерывно слал в Москву тревожные письма. Особенно его беспокоило то, что после отставки хана продолжалась переписка Далтабана с Девлет-Гиреем. По словам Толстого, Далтабан писал «чтоб татары воспротивились султану и вечаи бы бунты, а ему бы для усмирения их

собрать рати и идти на Дунай, и будто невозможно их покорить, соединяся с ними, купно идти на Азов или на Киев войною» (9, 44).

Одновременно Толстой активно добивался аудиенции у султана, чтобы сообщить ему об опасном поведении визиря. С помощью султанской матери Гюльнюш-Эхметуллах и реис-эфенди Мехмед-паши ему удалось добиться отставки Далтабана. Партия сторонников мира с Россией в Стамбуле оказалась сильнее. 13 января 1703 г. Далтабан был смещен со всех постов и задушен в темнице, «и поутру тело его выкинули на площадь, яко непотребную скотину» (9, 44—44 об.).

Тем временем, мягкая зима 1702—1703 гг. не позволили татарам перейти незамерзший Дунай. Стотысячное турецкое войско под командованием силстрийского сераскера Юсуф-паши вторглось в Буджак и окружило татар. Вскоре в татарский лагерь пришло известие о казни Далтабана. Таким образом все надежды на его помощь рухнули. Многие восставшие мурзы начали сдаваться, изъявив свое повиновение новому хану. Мятеж был подавлен (1, 701).

Потерпев поражение, Девлет-Гирей попытался скрыться от султана и получить убежище в Запорожье, но там его не приняли и он бежал на Северный Кавказ к черкесам. Вдогонку за ним был послан отряд во главе с его братом Каплап-Гиреем. Опасавшиеся войны с Крымом черкесы выдали Девлет-Гирея. Просьба последнего о помиловании, направленная к своему отцу Хаджи-Селим-Гирею была принята, и в январе 1704 г. Девлет-Гирей был сослан на остров Хиос в Эгейском море (1, 704).

События, связанные с крымскотатарскими мятежами 1701—1703 гг., в целом наглядно показывают сложное положение Крымского ханства в начале XVIII в.: несоответствие между старым внутренним устройством ханства, основанным на непрерывных войнах, и сложившимся международным положением, основанным на договоре 1700 г. Этот конфликт и привел к мятежам 1701—1703 гг.

По своей сути они не носили характера антитурецкого восстания за освобождение Крыма, а были, очевидно, крупными феодальными смутами, борьбой за власть, а также борьбой за сохранение и упрочение самостоятельности Крыма в вопросах отношений со своими соседями — Россией, Украиной, Польшей. Гораздо в большей степени эти мятежи носили антирусский характер. Их неудача была вызвана прежде всего военной слабостью Крымского ханства и твердой позицией Османского руководства, заинтересованного в сохранении мирных отношений с Россией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887.
2. Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. — Т. 1. — СПб., 1895. — С. 393.
3. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1704 г. — № 4.
4. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1701 г. — № 6. — ЛЛ. 11—15 об.
5. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1701 г.
6. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1701 г.
7. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1. — 1701 г. — № 2.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. — Т. 2. — СПб., 1881.
9. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 3. — № 1303.
10. ЦГАДА. — Ф. 89. — Оп. 2. — 1703 г. — № 2.
11. ЦГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. — 1703 г. — № 1. — ЛЛ. 114—114 об.
12. ЦГАДА. — Ф. 124. — Оп. 3. — № 1308. — 1702 г. — ЛЛ. 1—1 об.

О. Н. БАРАБАНОВ

ТОВАРОБОРОТ ЧЕРНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVIII в. (Крым, Запорожье, Турция, Россия)

После падения Каффы и других итальянских колоний Черное море на 300 лет стало «внутренним морем» Османской империи (1, с. 129; 1, с. 5). Однако в XVII в. мало-помалу завязываются торговые контакты между Турцией и ее северными соседями — запорожскими казаками. По договору 1649 г. устанавливалось право казаков на свободное плавание по Черному и Мраморному морям, торговлю на турецкой территории; купцы освобождались от пошлины на сто лет, могли открывать в Стамбуле представительство — консулат (3, с. 412—413). После этих решений интенсивность торговли значительно возросла. Весомую роль сыграло принятие в 1734 г. казаков в российское подданство. Запорожцы установили прямые связи с Россией (4, с. 34). Именно в этот период схема торговых путей и операций на северном побережье моря приобретает свою законченность. Запорожье, благодаря своему положению, играло в них очень важную посредническую, распределительную роль. Движение товаров с севера на юг представлено на схеме № 1.

На ней четко просматриваются следующие закономерности. Мануфактурная продукция России и Польши в значительной степени плавают транзитом через Запорожье в Турцию и Крым, оседая в Приднепровье лишь в той мере, в какой это было необходимо для поддержания хозяйства запорожцев. Экспорт текстильной продукции (полотно, канаты) объясняется тем, что в Турции эти отрасли имели характер скорее домашнего производства и не удовлетворяли потребности страны (5, с. 12). А поставки железа и металлоизделий были вызваны как отсутствием черных металлов в восточном и европейском потоках товаров в Турцию (если не считать несравнимого с русским голландского и шведского экспорта) (6, с. 132—133), так и тем, что

в Османской империи из металлообработки было развито лишь оружейное производство (5, с. 11, 18).

Что же до сельскохозяйственных товаров, то плодородная долина Днепра с глубоким слоем чернозема, достаточная влажность почвы, очевидно, способствовали земледелию и его важнейшей отрасли — хлебопашеству (9, с. 43; 3, с. 57, 78, 397). Однако запорожцы в связи с укладом жизни уделяли ему совсем немного внимания. Хотя именно в хлебе они нуждались весьма остро, и пшеница, а вместе с нею мука, пшено, крупа, составляли большую часть жалования, которое они получали от России и Польши за охрану южных границ (3, с. 397—400). Хлеб из этих двух стран, и это видно на схеме, лишь в малых количествах шел на турецкий и татарский рынок, он в основном оставался в самом Запорожье. Зерновым же поставщиком Стамбула в Северном Причерноморье становится в это время Бессарабия.

Коневодство, разведение крупного рогатого скота, овец практиковалось в Запорожье повсеместно, поэтому не случайно появление среди товаров кож, шерсти, шкур, мяса, масла и пр. (3, с. 401—402). Нельзя упускать из виду и еще один важный фактор. В связи с возрастающей концентрацией городского населения в Турции в это время стали ощутимы перебои в снабжении городов. Это приводило порой к чрезвычайным мерам (запрет вывоза масла, овечьей шерсти, ряда других товаров) (5, с. 7, 11). И в такой ситуации импорт их должен был всячески приветствоваться.

Отрасль, о которой стоит сказать особо, — это рыболовство, один из важнейших источников богатства запорожцев (3, с. 404, 407). Соленая рыба и икра из Сечи отправлялись как на юг, так (об этом речь впереди) и на север.